

Огромный комплекс, называемый «Кабинет», занимал целый этаж Южной Башни монолитного Имперского Дворца и был рабочим местом для личных министров и помощников Палпатина. Местом, где каждый день велась настоящая рутинная работа по управлению бесчисленными системами, входящими в состав широко раскинувшейся Империи. Находясь прямо над огромным четырехуровневым Тронным Залом, где ежедневно с раннего вечера до поздней ночи проходили собрания двора, Кабинет включал в себя два очень широких, просторных вестибюля, с высокими потолками, ведущие к палатам для личных аудиенций Императора, а также к его офисам и офисам его приближенных. Места здесь даровались только «избранным» - личным советникам, проверенным многими годами службы.

Не менее впечатляющей была Канцелярия Совета, находившаяся этажом ниже Тронного Зала, где проходили сессии Правящего Совета. В ней также находились офисы наиболее привилегированных особ – тех, кто приобретал и терял благосклонность Императора по его прихоти, точно так же, как и личное приглашение Императора в Совет или двор. Как и апартаменты в Восточной Башне, эти кабинеты представляли огромное значение: Император как никто владел искусством утверждения собственных позиций через ценность, придаваемую его благосклонности. Страх потерять императорское расположение вместе с обретенным статусом держал в узде многие Королевские Дома и многих могущественных существ галактики, вынуждая их молчать и соглашаться с действиями Палпатина.

Когда Люк был удостоен чести командовать Центральным Флотом, ему было выделено два офиса в прославленном и престижном Кабинете.

Однако он никогда в них не бывал и продолжал работать или в личных кабинетах своих апартаментов, или в давно назначенных ему кабинетах Военного Министерства в Северной Башне. Знал ли об этом Император, Люк понятия не имел - хотя он не мог представить, чтобы Палпатин не заметил что-то, имеющее такое значение в пределах сферы своего влияния. Но его Мастер никогда не упоминал об этом, офисы продолжали числиться за командующим, а их постоянно закрытые двери виднелись в самом конце коридора, прямо перед входом в вестибюль Главной Палаты Аудиенций Императора.

Именно в этом вызывающе роскошном вестибюле с пурпурно-алыми стенами, в тревожной тишине ожидания встречи со своим Мастером, стоял сейчас Люк. Требование немедленно прибыть к Императору уже ждало его, когда он приземлился на одной из маленьких посадочных площадок Северной Башни, удачно избежав бессмысленно помпезной церемонии в честь его прибытия.

Он чувствовал себя дискомфортно и беспокойно, поскольку был вызван в ту же самую Палату Аудиенций, где годами ранее дрался со своим отцом. Разумеется, он вернулся сюда не впервые – он много раз бывал здесь по вызову Императора и каждый раз не мог справиться со своими эмоциями. Сожаление, разочарование, замешательство - Люк не знал, что точно он чувствовал, не хотел задумываться об этом. Он только знал, что именно здесь он упал по-настоящему. Именно здесь он полностью сбился со своего пути.

Во многих отношениях он упал раньше, он знал это. Он уже находился в клетке, за решеткой, прочно держащей его внутри. Но день, в который он дрался со своим отцом, стал днем, когда решетка пала... а он остался.

Хотел ли он быть там? Нет. Доверял ли он Палпатину? Абсолютно нет. Мог ли он уйти? Никогда.

Палпатин приложил недюжинные усилия к тому, чтобы ему некуда было идти.

Куда бы он ни делся, Палпатин выследит его. Люк был уверен, что, даже старательно замечая следы, он никогда не сможет опередить своего Мастера и скрыться от него - Палпатин слишком хорошо знал его для этого. Знал ощущение его присутствия в Силе, и Люк понимал, что оно слишком значительно и сильно, и будет заметно, как бы он ни пытался скрыть его. Он мог попытаться вернуться в Альянс, игнорируя тот факт, что там ему грозит смертная казнь за шпионаж в пользу Империи - причем не как вынужденного информатора или даже перебежчика, а как настоящего двойного агента, благодаря маневрам его Мастера - но тогда Палпатин бросил бы на Альянс весь флот и разорвал на части, только чтобы вернуть Люка.

Куда бы он ни пошел и как бы ни пытался скрыться, Палпатин найдет его и вернет, чего бы это ни стоило - он совершенно ясно дал это понять.

Впрочем, он никогда не убьет своего драгоценного «джедая», это он дал понять тоже ясно. Он только разломает Люка по частям и затем соберет заново. Только очередное мучительное испытание, пытка на грани выносливости, проводимая с безжалостно хирургической точностью или с потворствующим себе наслаждением, в зависимости от настроения Мастера; и Люк, черт побери, даже не понимал, что хуже, поскольку все это стало также частью его жизни, яростные вспышки гнева и хладнокровные жестокие манипуляции.

Поскольку в какой-то момент он стал для Палпатина всего лишь еще одной его вещью. Насколько были нужны Палпатину все те сложности и проблемы, которые намеренно создавал ему его драгоценный новый сторонник, не имело значения. Значение имело лишь то, что он принадлежит Палпатину - и никому больше. И то, что этот сторонник никогда не обратит свою силу против него.

В стремлении контролировать Скайуокера, Палпатин держал своего волка на невиданно длинном поводке - создающим иллюзию свободы, однако оба они знали, что к свободе это имеет весьма отдаленное отношение. Тем не менее оба продолжали эту игру. Поначалу Люк оставался из-за того, что ему некуда было идти, он был принудительно изолирован и лишен всякой возможности выбора. Потом, проклиная себя за собственную глупую слабость, он стал удерживаться связями и обязательствами, знакомствами и союзами, которые он умудрялся создавать даже здесь. Палпатин очень четко дал понять, что случится с теми, кто окружал его, если Скайуокер слишком сильно отклонится от принятого курса. И кроме того он начал привыкать к ситуации; она - да поможет ему Сила - стала для него нормальной.

Таким образом он ходил по лезвию ножа, балансируя между авантюрным инакомыслием и оскорбляющим его повиновением, используя любую возможность жить своей жизнью в пространствах внутри волевого и непреложного присутствия своего Мастера. Когда-то его отец предсказывал ему, что он научится так жить.

И тогда же, три года назад, Люк ответил своему отцу, что это не жизнь.

Однако где-то в глубине души, он чувствовал, что не заслуживает лучшего... Его Мастер знал об этом, использовал и обращался с ним соответственно.

Медленно, но линии фронта и терпимости были сдвинуты с обеих сторон, их часто бурные споры и разногласия, характерные для раннего общения, сделались мягче и превратились в более тонкую игру, ибо опыт научил Люка тщетности открытой конфронтации. Основные правила игры не изменились. Люк по-прежнему находил большую часть поступков и приказов Мастера оскорбительными, а Палпатин по-прежнему подавлял в нем сомнения, заставляя двигаться вперед убеждением или принуждением. Но постепенно их разногласия уменьшались, становясь все более незначительными - и в результате реакция Палпатина

становилась менее яростной и жестокой, хотя Люку не нравилась мысль, что эти две вещи взаимосвязаны.

Люк уже давно бросил попытки понять свои мотивы, выводы были слишком неутешительны для раздумий. Он либо уставал от постоянной борьбы и все чаще сдавался без боя, равнодушно принимая поражение, либо просто привык к своему положению, утомленный цинизмом. Ибо то, что раньше казалось возмутительными требованиями Мастера, стало теперь незначительным. Дискомфорт, который Люк все еще ощущал, становилось все легче и легче игнорировать, воспринимая его, как еще одну каплю в море своих дурных чувств и испытывая неприятное подозрение, что он не просто сдался и играл роль, а действительно стал таким.

Но и со стороны Палпатина были, как минимум, некоторые уступки, поскольку периоды времени, проводимые Люком за пределами Дворца, вдали от манипуляций, становились все более продолжительными, и это происходило не по выбору его Мастера. А иногда Палпатин и вовсе уступал в спорах.

Победы были небольшими – каждый получал то, что мог... и на что рассчитывал.

Высокие покрытые орнаментом двери Палаты Аудиенций еле слышно отворились, и оттуда вышел Вирс – один из генералов его отца; увидев Люка, он тут же повернулся к нему, щелкнул каблуками и склонил голову в образцово военном поклоне. Люк посмотрел на него без всякого выражения эмоций, лишь отмечая про себя факт его присутствия здесь – чтобы позже обдумать это.

Следом вышел канцлер Амедда и слегка кивнул, приглашая Люка, успевшего уже отвернуться от уходящего генерала. Он в последний раз сделал глоток чистого свежего воздуха и тщательно убрал за ментальные щиты все принадлежавшие только ему мысли и переживания, связанные с этим тревожным местом.

И затем шагнул вперед.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1244865>